К. В. ИВАНОВ – ЗАЧИНАТЕЛЬ ЧУВАШСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КНИЖНОЙ ГРАФИКИ

И.В. Тургай

В год столетия поэмы «Нарспи» и стошестидесятилетия со дня рождения И.Я. Яковлева имя его ученика и автора этого бессмертного произведения Константина Иванова вновь привлекает к себе пристальное внимание общественности. Изучение литературного наследия талантливого поэта, безвременно ушедшего от нас, составляет множество трудов, регулярно пополняющих «копилку» чувашского искусствоведения. Литературный дар – лишь частица его разностороннего таланта. Это отмечают Д.Д. Данилов, А.И. Иванов-Ехвет, И.А. Зотов, В.П. Станьял, А.А. Трофимов и другие исследователи. Однако творчество К.В. Иванова как художника на сегодняшний день изучено недостаточно глубоко и основательно.

До наших дней дошли слова друга Константина Иванова И.С. Максимова-Кошкинского: «Подружились мы на почве общего интереса к художественному творчеству. Константин Васильевич был способным художником. До самой своей смерти он мечтал учиться в Академии художеств»[1].

Тот факт, что К.Иванов был хорошим рисовальщиком, свидетельствует его сосед по парте С.Н. Алексеев: «Уроки рисования вел у нас преподаватель Некрасов, окончивший художественную академию*. Вот он остановился у нашей парты. Взял лист Константина, посмотрел, и на задумчивом лице заиграла одобрительная улыбка. Константин действительно нарисовал мастерски, как настоящий художник»[2].

Н.Ф. Некрасов учил своих подопечных не только изображать видимый мир, но и мыслить художественными

---

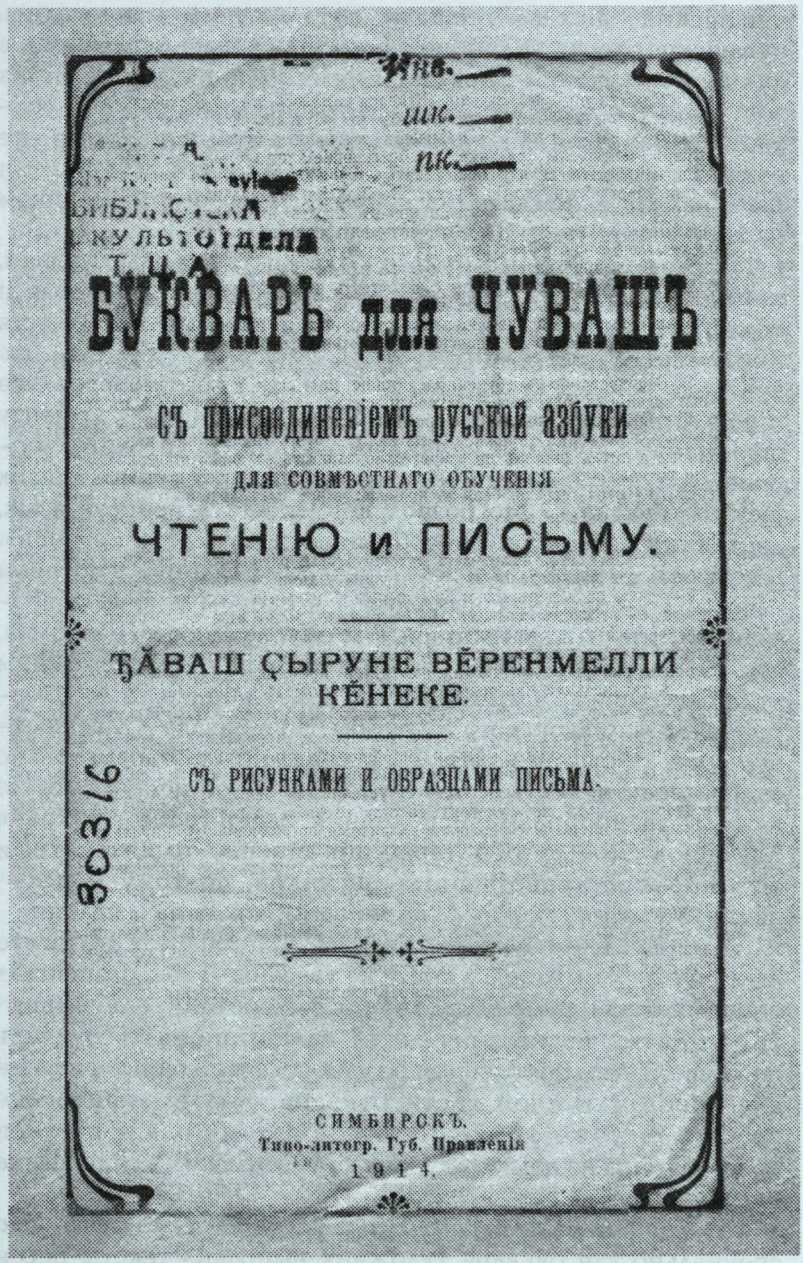
* Об образовании, полученном Н.Ф. Некрасовым, источники толкуют двояко: А.Г. Григорьев и А.А. Трофимов утверждают, что он закончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, сверстники К. Иванова С.Н. Алексеев и С.А. Лашман свидетельствуют в пользу Академии художеств.

понятиями, анализировать творческое наследие прошлого. «Однажды я видел Константина Васильевича у учителя рисования Н.Ф. Некрасова, — вспоминает С.А. Лашман. — Константин с жаром говорил с Некрасовым. Так они воодушевленно говорили о славных художниках прошлого — Микеланджело, Рафаэле, Тициане»[3].

Первая попытка изучения творчества К. Иванова в изобразительном искусстве принадлежит искусствоведу А.Г. Григорьеву: «Несмотря на то, что рисунки поэта в основном учебные, художник, не ограничиваясь этим, ставит более сложные задачи, старается заглянуть во внутренний мир изображаемых людей, угадать и раскрыть их мысли и чувства, показать красоту души и сердца чувашей. Среди сохранившихся работ К.В. Иванова встречаются рисунки, выполненные карандашом, углем, пером-тушью, портреты, выполненные масляными красками. Известно, что он писал декорации к любительским постановкам и иллюстрировал книги».

Период конца XIX — начала XX веков в истории чувашского народа знаменателен тем, что происходит становление новой чувашской письменности, появляется первый букварь на родном языке и, как следствие, первое его оформление. В 1912 году К. Иванов в тяжелом душевном состоянии оставляет большую поэзию и «с каким-то особым рвением иллюстрирует «Букварь для чувашей», издателем которого являлся сам Иван Яковлевич Яковлев. Не удивительно, что из множества своих учеников он просит заняться оформлением именно Константина, который к этому времени уже сформировался как художник. Итак, за три года до смерти молодой поэт берется за необычную работу — оформление «Нового букваря для чуваш с присоединением русской азбуки для совместного обучения чтению и письму».

«Был ли «Букварь для чуваш» первой иллюстрированной книгой на чувашском языке?» — задается вопросом А.И. Иванов-Ехвет, но не дает однозначного ответа[4]. А.Г. Григорьев пишет: «...Следует осторожнее относиться к утверждениям некоторых критиков о том, что Букварь с рисунками К.В. Иванова явился «отцом», «днем рождения» чувашской графики»[5]. Определение термина «графика» можно найти в любом словаре — это вид изобразительного искусства, который подразделяется на станковую, прикладную, плакатную, журнальную, книжную и др. Отсюда следует, что Григорьев прав: работа К. Иванова стала «днем рождения»



БУКВАРЬ ДЛЯ ЧУВАШЪ

СЪ ПРИСОЕДИНЕНІЕМЪ РУССКОЙ АЗБУКИ

ДЛЯ СОВМѢСТНАГО ОБУЧЕНІЯ

ЧТЕНІЮ и ПИСЬМУ.

ҪӐВАШ ҪЫРУНЕ ВЁРЕНМЕЛЛИ КЁНЕКЕ.

СЪ РИСУНКАМИ И ОБРАЗЦАМИ ПИСЬМА.

СИМБИРСКЪ.
Типо-литогр. Губ. Правленія
1914.

Обложка «Букваря для чуваш». 1914 г.
Отдел редких книг Научной библиотеки ЧГИГН.

чувашской *книжной графики*, ведь до него выпускались чувашские книги, но они не оформлялись иллюстрациями, в лучшем случае — репродукциями или их копиями из вестных русских живописцев, а графические работы, созданные некоторыми художниками к этому времени, не являются книжной графикой[6]. Таким образом, Константин Васильевич Иванов является первым чувашским художником профессиональной книжной графики.

Всего в букваре насчитывается двадцать три иллюстрации, которые в свою очередь можно разделить на линейные и объемные рисунки. Казалось бы, для цельного восприятия книги требуется единый стиль изображения. Чем же руководствовался художник, работая над книгой? Вероятнее всего, К. Иванов, будучи сам учителем рисования, к моменту оформления букваря изучил особенности детского восприятия и опыт своих предшественников, иллюстрировавших русские буквари[7]. Это позволило ему найти простой язык, доступный ребенку и «способный волновать детские души». К тому же к книге, как к эстетическому предмету, в котором текст и изображения выполнены в едином ключе, современный читатель давно привык, и ему, возможно, невдомек, что книга прошла свой эволюционный путь (вспомним мирискуссников, авангардистов, Е.А. Кибрика, Д.А. Шмаринова, В.А. Фаворского и других). Но в начале XX века отношение авторов и издателей к книгам было продиктовано скорее практичностью, чем художественной ценностью. Но даже в разнообразии исполнения иллюстраций букваря К. Иванов смог достичь гармонии линейно-плоскостных и объемно-пространственных рисунков, поэтому неискушенный зритель может даже не заметить данное явление.

Составителем букваря являлся И.Т. Трофимов, но ни его имя, ни имя художника в книге не указаны. В воспоминаниях о совместной работе с Ивановым составитель пишет: «Константин Васильевич хотел иллюстрировать букварь побогаче, с этим намерением он сделал качественные рисунки для хрестоматийной части букваря. Каллиграфические прописи он тоже сам приготовил. После того, как рисунки приготовлены на должном уровне, мы отдали их в руки Ивана Яковлевича».

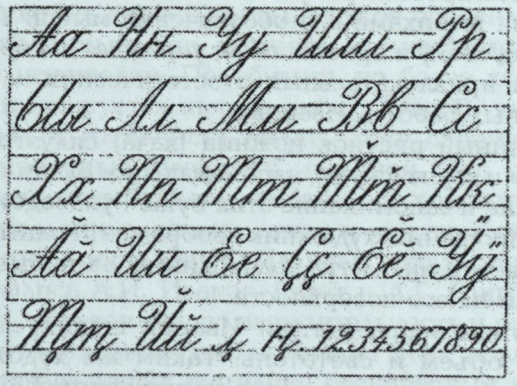
У Трофимова мы находим свидетельство того, что специально для букваря художник выправил тексты песен «Дождь» («Çумăр») и «Телега» («Урапа»), а также перевел на

чувашский язык стихотворения «Ласточка» («Чĕкеç»), «Репка» («Çарăк») и «Времена года» («Çулталăк хушши»).

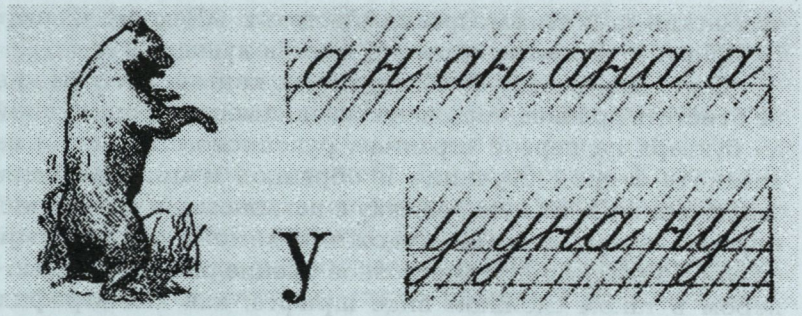
Описывая работу К. Иванова над книгой, невозможно не отметить пропись, состоящую из письменных упражнений до букваря на первой странице, рукописного алфавита на двадцать второй странице и образцов написания слов, заключенных в тонкую решетку с наклоном для облегчения письма. Здесь молодой художник демонстрирует свой безупречный почерк и виртуозное умение работать тушью-пером в таком сложном виде шрифта, как каллиграфия: сильный нажим плавно переходит в тонкую линию, закручивающуюся в изящный и упругий завиток.

Наибольший интерес при анализе иллюстративного материала представляет первый разворот, на одной странице которого изображены петух (автан), жук (нăрă), медведь (упа), лягушка (шапа) и рак (рак), а на другой — старик (ватă çын) и лошадь (лаша). И если петух и жук выполнены четким контуром, то в рисунке лошади линии усложняются. Тонкими короткими штрихами переданы автором развевающиеся на ветру грива и хвост. Интересен выбор статичной позы и бокового ракурса лошади — он понятен маленькому зрителю.

Абсолютным контрастом этой лошади является рисунок медведя: он стоит на задних лапах, подобно человеку. Выбор такой позы, вероятно, продиктован представлениями чувашского народа, передающимися в сказаниях и былинах из поколения в поколение о медведе как о сильном и мудром защитнике. Рисунку присущи подробная светотеневая



Рукописный алфавит.



Медведь.

проработка и большое количество мелкой штриховки, напоминающей шерсть животного.

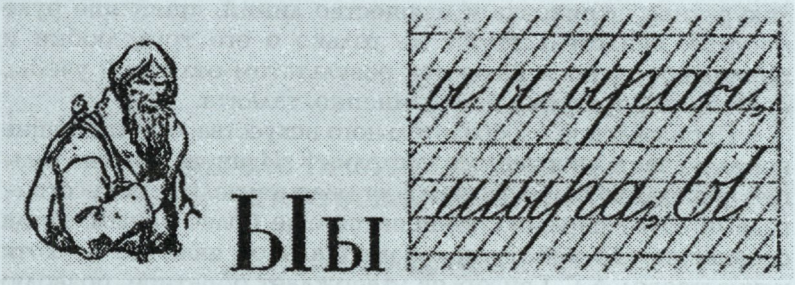
Подобным способом художник работал над маленьким изображением лягушки, сидящей в профиль к зрителю на берегу среди невысокой травы.

Своеобразен рисунок старика благодаря сложной позе и множеству мелких деталей (хмурое лицо, борода, посох в руке, мешок через плечо). Вероятно, этим объясняется стремление упростить светотень, акцентируя внимание на контурах. Тем не менее это изображение остается одним из наиболее сложных и неоднозначных для детского восприятия.

Второй разворот содержит четыре иллюстрации, из которых наибольший интерес представляет рисунок свиньи (сысна). Стоит отметить некоторое единообразие в исполнении домашних животных: свиньи, лошади, жеребенка (тиха), лакающего молоко котенка (кушак) и пасущейся коровы (ёне) — это простые рисунки с изящным плавным контуром и легкими штрихами для обозначения мышц. Такая условность (вид сбоку и простая поза) упрощает восприятие детей, не теряя привлекательных и эстетических качеств художественных работ К.Иванова.

Линейный рисунок ножниц (хачă) силуэтом похож на букву «х» и серпа (çурла), напоминающим букву «ç», облегчает понимание и запоминание этих букв. Руководствуясь принципом упрощения, художник изображает полный мешок без всякой светотени, слегка подчеркивая различные неровности и складки на его поверхности.

Рисунок ведра (витре) Иванов штрихует по форме, выявляя объем и светотень. Таким же художественным приемом он пользуется, когда рисует колотушку (тукмак) на



Старик.

следующем развороте, добавляя имитацию трещин на поверхности дерева мелкими линиями. Гораздо проще он решает изображение топора (пуртă) — четкий контур, минимум штрихов.

На четвертом развороте всего две иллюстрации: котенок (кушак), о котором уже говорилось, и челнок (ăса), изображенный контурно, как ножницы, петух и жук.

Следующая иллюстрация напоминает небольшой пейзаж — гребец на лодке плывет вдоль берега. Художник сознательно ограничил это изображение тонкой рамочкой, тем самым выявил четкую композицию, которая состоит из трех частей: белого неба, лодки и гребца, выполненных темной заливкой так, будто они слились друг с другом, и воды, покрытой мелкой рябью.

Доступной наглядностью характеризуется рисунок черного паука (эрешмен) в центре своей паутины, «сотканной» из прямых линий тушью. Детально прорисована сова (тăмана), сидящая на ветке: зоркий взгляд, мелкое оперенье, темные крылья, созданные при помощи миниатюрной, почти ювелирной штриховки. Подобными, но более хаотичными штрихами имитируется шерсть собаки (йытă), чья дружелюбная поза и готовность подать лапу своему хозяину вызывает приятные эмоции у малышей. Это последняя иллюстрация, хотя букварь на этом не кончается. Далее следуют небольшие рассказы, стихи и «русский отдел».

Анализом иллюстраций К. Иванова, правда, поверхностным, занимались А.И. Иванов-Ехвет и А.Г. Григорьев, оба отмечали их эмоциональную выразительность и простоту. В данной статье впервые дается анализ всех иллюстраций букваря, привлекающих внимание безупречным качеством исполнения и высоким мастерством художника. Мелкая

аккуратная штриховка и изящество линий, присущие руке мастера, свидетельствуют не только о его трудолюбии и прилежности, но и являются результатом отличной учебы, постоянной практики и, несомненно, таланта.

Произведения изобразительного искусства, составляющие немалую часть творческого наследия К. Иванова, многие годы несправедливо были забыты или мало изучались искусствоведами. Этот парадокс становится еще более явным, когда осознаешь его работу как национальное явление. И хотя искусствовед А.Г. Григорьев утверждает обратное, позволю себе с этим не согласиться[8]. Художник изображал окружающую действительность, которую впитал в себя с малых лет на родной земле. Как такая работа не может стать «явлением», когда сын чувашского народа, веками считавшегося со стороны правящих кругов и царской власти неграмотным и неспособным к высокому искусству, ломает старые стереотипы и, будучи совсем молодым, достигает таких творческих высот? Этот удивительный период сам по себе был национальным явлением, и все причастные к нему лица внесли свой вклад в развитие чувашского народа, его культуры и образования.

Остается лишь сожалеть о том, как мало ему было отведено времени судьбой, и удивляться тому богатому наследию, которое он оставил после себя. К.В. Иванова по праву можно и нужно считать зачинателем чувашской профессиональной книжной графики, которая впоследствии пойдет по своему уникальному пути. Ее история будет знать и взлеты, и падения, но потомки должны помнить, кто был первопроходцем в этом сложном, оригинальном виде искусства. Возможно, если бы ему удалось воплотить свою мечту и поступить в Академию художеств, сегодня мы знали бы другого Константина Иванова — не только великого поэта, но и выдающегося художника.

Литература

1. Константин Иванов. Фотоальбом. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1990. С. 58.
2. Там же. С. 51.
3. Там же. С. 56.
4. *Иванов-Ехвет А.И.* По следам находок. Чебоксары, 1977. С. 54—55.
5. *Григорьев А.Г.* К.В.Иванов и художники Чувашии // Классик чувашской поэзии. Чебоксары, 1966. С. 129—158.
6. Там же. С. 138.
7. Там же. С. 138.
8. Там же. С. 138.